

УДК 340.1

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЬЯХ (НА ПРИМЕРЕ ФРГ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

© 2015 г.

М.Г. Дубинин

Нижегородский областной суд, Н. Новгород

dubininmg@mail.ru

Поступила в редакцию 22.06.2015

На примере ФРГ и Великобритании рассматриваются юридические подходы, используемые в зарубежных странах как континентального, так и общего права.

Ключевые слова: толкование права, методы толкования права, цели и задачи толкования права, толкование и интерпретация, правила толкования права, презумпции толкования права.

Толкование права можно назвать вершиной юридического мастерства и основой в вопросах правоприменения. Прежде чем применить какой-либо принцип или норму права в конкретной ситуации, необходимо сначала его правильно истолковать. Вопросам толкования права посвящено большое количество научных трудов, что еще раз показывает не только важность данной тематики, но и неоднозначность вырабатываемых подходов как к способам толкования права, так и касательно результатов истолкованного и примененного права.

В качестве сравнения имеющихся в юридической науке подходов к вопросам толкования права нами были выбраны немецкая и английская системы права, так как эти государства имеют развитую юридическую науку и весьма многообразные правоотношения, что способствует фундаментальному изучению предмета.

Немецкие юристы по общему правилу выделяют 4 основных метода толкования права, опираясь на такие критерии, как: текст, история создания закона, его система и преследуемые им цели [1, с. 14].

Грамматическое толкование исследует текст нормы «в соответствии с его общим употреблением, в том числе с использованием данного слова в конкретном законе», при отсутствии законодательного определения термина используется его разъяснение, содержащееся в словарях [2]. Очевидно, что данный способ является собой начальный этап толкования в любой правовой ситуации. Только при отсутствии возможности грамматически истолковать содержание нормы права или явной недостаточности подхода используются иные инструменты толкования. Заметим, что грамматический способ в силу своей простоты и неотъемлемости выступает начальным шагом в любом процессе толкования права. Логическая связь с самим опре-

делением «толкования» делает данный прием универсальным вне зависимости от выбранной методики.

Исторический метод толкования используется, когда несколько возможных вариантов толкования представляются логичными: в таком случае «изучается история принятия закона, его предшествующие редакции, исторический контекст с целью получения новой информации для выбора правильного варианта» [2]. Преимуществами подобного метода является всестороннее изучение и, как результат, уточнение изначального смысла, которое вкладывал законодатель в норму права, «чистого» от его последующей интерпретации и применения в сложившейся практике. Не отрицая важность толкования, идущего «в ногу» с развивающимися общественными отношениями, тем не менее, необходимо знать цель, которую преследовал орган, издающий нормативный правовой акт. Дополнительно, в целях формирования более полной картины, подобный метод дает возможность изучить все редакции, формулировки закона, а также выяснить сопутствующие принятию акта мнения. Редко на практике выработка новой нормы права не сопровождается ее различными оценками уже на начальной стадии принятия со стороны как профессионального сообщества, так и общества в целом.

Наиболее объемный систематический метод толкования права «основывается на тезисе, что система норм права должна быть свободной от противоречий и каждая норма должна гармонизировать со всей системой», соответственно, «нужно выбирать тот вариант толкования, при котором норма будет лучше всего гармонизировать с другими нормами» [2]. В целях обеспечения такого комплексного толкования необходимо рассматривать определенную совокупность принципов и норм права, регулирующих

конкретные правоотношения, что дает возможность всестороннего изучения вопроса. С другой стороны, прибегать к подобному методу стоит только ввиду сложности рассматриваемой ситуации, регулярное его применение грозит чрезмерным затягиванием процесса. Однако отметим, что в настоящее время данный метод носит доминирующий характер, что обусловлено сложностью развивающихся правоотношений.

Завершающим методом является телеологическое толкование, при котором правоприменитель обязан установить цель, которую преследует принцип или норма права, подлежащие применению в индивидуальных отношениях. Данный способ примечателен тем, что позволяет понять «желаемый результат», который преследует собой процесс регулирования. Постараемся раскрыть его смысл на следующем примере. При запрете проносить с собой напитки во время посещения кинотеатра под данный запрет, предполагается, попадают все товары, имеющие аналогичные потребительские свойства, вне зависимости от объема, производителя, тары и иных характеристик, однако данное ограничение не распространяется на жидкость, применяемую в иных целях (к примеру, лекарственные препараты, парфюмерия, средства личной гигиены и т.д.).

Также немецкая правовая доктрина выделяет субъективный и объективный подход телеологического толкования при определении целей, которые преследовал правоустановитель.

Субъективный подход предполагает выяснение и уяснение исторического умысла законодателя, что влечет необходимость исследования архивных материалов, комментариев и заключений, сделанных при принятии нормы. Данный процесс делает субъективный подход телеологического толкования права схожим с историческим методом. Критики «данной теории указывают в первую очередь на то, что адресата закона можно связать его текстом, а не какими-то другими материалами о принятии закона» [2].

Представляется, что решением подобной проблемы могло бы стать правило о включении в каждый нормативный акт преамбулы о целях его принятия, сфере и пределах регулирования. Подобное положение, распространенное в советской практике, в настоящий момент содержится только в некоторых нормативных правовых актах и в Конституции РФ. Включение же в начальные статьи, к примеру, закона общих положений о предмете и методе регулирования не всегда является полным ответом о целях и задачах. В некотором роде подобное положение дел обусловлено отсутствием четких требований, устоявшейся практики применения и сформиро-

ванной правовой культуры. Понять волю законодателя в сложившейся ситуации возможно путем изучения пояснительных записок к законопроектам, принимаемым представительными органами власти, иных комментариев и результатов обсуждения.

Однако главной проблемой данного метода, по нашему мнению, является тот факт, что установить «субъективную волю» представляется возможным только у законодателя, который издает соответствующие законы. Гораздо проблематичнее выглядит ситуация при выявлении смысла иных видов права, к которым, в соответствии с концепцией интегративного правового понимания, относятся принципы и нормы, содержащиеся в системе форм международного и внутригосударственного права.

Так, весьма сложно выявить волю сторон при заключении межгосударственного нормативного правового договора в случае отсутствия преамбулы, содержащей цели регулирования, и практически невозможно выявить волю при применении правового обычая, нормоустановителем которого выступал неопределенный круг лиц в течение некоего периода времени. В последнем случае стоит принимать во внимание объективные причины, способствовавшие возникновению определенной модели поведения участников правоотношений.

Сторонники объективного подхода ориентируются на выявление истинной цели нормы права в процессе его применения на конкретном историческом этапе регулирования правоотношений. При создании нормы не должны учитываться индивидуальные особенности регулирования, нормоустановитель должен сделать норму права наиболее гибкой, но в то же время однозначной и понятной.

Развивающиеся общественные отношения требуют быстрого своевременного реагирования правоприменительной практики, что невозможно сделать, если не толковать норму исходя из существующих реалий, которых могло просто не существовать на момент принятия акта. «Основным аргументом против данной теории является прежде всего нарушение принципа разделения властей и принципа законности, ведь в демократическом государстве именно законодательной власти передана монополия на принятие законов, поэтому правоприменители должны быть связаны представлениями законодателя и применять нормы права в установленном законодателем порядке» [2].

Соответственно, в данном подходе можно усмотреть схожие с прецедентным правом черты, что позволяло бы, предположим, судебным органам в процессе толкования в некотором

роде творить судебское право, которое выступало бы основой развития правоотношений в последующие периоды.

В итоге нам представляется, что в рассматриваемых примерах важно исходить из субъективных фактов, лежащих в основе деятельности правотворческого органа, и применить их к объективно сложившейся ситуации, найти «баланс сопоставления». Только таким образом можно обеспечить действие телеологического метода толкования права на практике. Подобное учение в юридической литературе рассматривается как современная теория, сочетающая в себе элементы объективного и субъективного подхода.

Проанализировав методы толкования права в разрезе его задач и функций, следует обратить внимание на следующие аспекты.

Так, немецкая научная доктрина видит одной из целей толкования права разрешение противоречий между нормами права, которые содержатся в «общем» и «специальном» законах, отдавая преимущество специальному нормативному правовому акту перед общим (лат. – *lex specialis derogate legi generali*). Указывая на преимущественное в количественном выражении закрепление в законодательстве норм права, содержащихся в кодифицированных нормативных правовых актах («общий закон»), немецкий законодатель придерживается правила, которое устанавливает «преимущество специального закона перед общим», что «объясняется прежде всего юридической логикой: в специальном законе многие проблемы находят более точную проработку, и, следовательно, в них более точно и конкретно выражается воля законодателя» [2].

Аналогичная позиция выражается и в вопросах разрешения противоречий между нормативными правовыми актами, принятыми в разное время, где преимущество отдается норме права, содержащейся в акте, принятом позднее (лат. – *lex posterior derogate legi priori*). В данном случае важно установить, «хотел ли законодатель с помощью новой нормы полностью заменить существующую (потому что только в этом случае можно вести речь о преимуществе нового закона) или, может быть, только в какой-либо части, что приведет к противоположному выводу, при котором обе нормы сохранят свое действие» [2].

Дополнительно стоит выделить «толкование в соответствии с Конституцией» (нем. – *verfassungskonforme Auslegung*), в основе которого лежит «идея о том, что в существующей иерархии законодательных актов нижестоящие нормы не должны противоречить вышестоящим, иначе они признаются ничтожными» [2].

Представляется, что вся совокупность рассмотренных методов толкования права должна применяться в системном взаимодействии и служить критерием правильности конечного результата толкования. Основанием для подобного утверждения служит тот факт, что познание, уяснение и разъяснение носят всеобъемлющий характер, подход к которым тоже должен содержать в себе комплекс методов регулирования. Лишь в применении «всестороннего» метода регулирования можно будет говорить о конечности результата, который не требует пересмотра в связи с иным способом толкования права вышестоящими инстанциями. В противном случае, правоприменитель сможет выбрать лишь один из способов толкования права, который сможет применить в целях получения желаемого результата, что исключает всякую объективность принятого решения.

Следовательно, используя рассмотренные выше методы в процессе применения нормы права, необходимо сначала уяснить смысл текста; при наличии в нем неясности необходимо подвергнуть историческому анализу процесс образования нормы (в какой ситуации и при каких условиях она возникла); после чего должны быть установлены роль и место нормы в системе права; завершающим этапом станет определение ее цели для полного, всестороннего и объективного регулирования общественных отношений.

При рассмотрении задач, которые вменяются процессу «толкования права», становится ясно, что немецкая правовая наука смешивает разные по своим свойствам методы индивидуального судебного (государственного) регулирования, что приводит к непоследовательному разрешению сложных правовых ситуаций. Так, очевидно, что приведенные примеры входят в компетенцию разрешения коллизии права в процессе индивидуального судебного регулирования. Это подразумевает основной своей целью среди двух и более регулирующих идентичные правоотношения норм и принципов права и находящихся как на одном, так и на различных уровнях иерархии форм права, выбрать ту, что имеет приоритет в регулировании подобных ситуаций.

Также ошибочно приписывать к целям толкования права преодоление пробелов, вызванных «несовершенством законов... которые могут носить как абсолютный, так и относительный характер» [2]. Как уже было сказано выше, толкование права и преодоление пробелов являются различными по своей природе явлениями, в результате чего ошибочно полагать, что развитие «широкого толкования права» видит своей целью и устранение либо преодоление пробелов в праве.

Изучив реализацию аспекта толкования права в немецкой научной теории, относящейся к романо-германской правовой семье, представляем уместным провести анализ понятия «толкование права» в юридической науке государства, относящегося к семье общего права. Классическим примером может послужить английская правовая система.

Фундаментальное отличие подходов между отечественной и британской юридической наукой состоит в понимании процесса толкования права. Так, британские теоретики разграничивают два смежных понятия: интерпретацию (англ. – *interpretation*) и толкование (англ. – *construction*) [3, 4]. Интерпретация сводится к внутреннему мыслительному процессу, направленному на уяснение смысла и содержания принципа или нормы права, результатом такой деятельности становится уяснение для себя, толкование же подразумевает внешнее разъяснение смысла и содержания принципа или нормы права, а как результат – разъяснение для других.

Как и другие юридические инструменты, толкование права имеет присущие ему специфические «правила» осуществления деятельности (англ. – *rules*).

Основным среди них выступает «правило буквального толкования» (англ. – *literal rule*). Оно заключается в требовании истолковывать слова и словосочетания, используемые законодателем, в их общепотребляемом буквальном значении. Как уже было сказано, данный способ является наиболее очевидным при толковании смысла какого-либо феномена, следовательно, вне зависимости от правовой семьи он является первичным элементом в процессе толкования.

Также существует «золотое правило толкования» (англ. – *golden rule*), которое «можно считать модификацией буквального правила, его значение заключается в выборе нескольких вариантов толкования того, который приведет к наименее абсурдным выводам и решениям» [5, с. 38]. Здесь мы видим включение некоего вариативного элемента поведения, который дает правотолкователю определенную свободу выбора в целях правильного разрешения ситуации.

Еще большую свободу при толковании права представляет «правило вреда» или «правило исправления вреда» (англ. – *mischief rule*), которое применяется для устранения двусмысленностей, содержащихся в положениях права. Суть данного правила состоит в том, что «каждый последующий закон должен обнаружить оплошности и недостатки предыдущего, чтобы устранить эти противоречия»; в случае если они не были устранены, «именно судья должен интерпретировать закон таким образом, чтобы

исключить возможный вред нового закона, а равно устранить пробел в праве» [5, с. 38]. Специфика английской системы права позволяет судьям создавать прецеденты в рамках регулирования статутов, следовательно, им не чужд некий элемент правотворчества, неуместный в системе континентального права.

Помимо перечисленных правил, лорд Альфред Томпсон Деннинг выделял «старый грамматический подход», который основывается на изучении слов в изоляции, в случае обнаружения пробелов в статуте, они должны опускаться до тех пор, пока не будут устранены правотворческим органом; другой способ толкования заключается в том, чтобы выразить основную цель, лежащую в основе права, – более детально данное правило было выработано лордом Дуплоком в деле *Kammins v. Zenith Investments* в 1971 году, в результате чего он дал ему наименование «целевой подход» (англ. – *purposive approach*) [6, с. 156–157].

Не менее важное место в процессе толкования права приобретают и «презюпции» (англ. – *presumptions*), иногда называемые «правовыми принципами», которые вырабатываются судебной практикой и имеют между собой равную юридическую силу. Однако стоит подчеркнуть, что нередко они вступают в противоречие друг с другом, что побуждает судей к устранению подобных коллизий путем выборочного применения презюпций. Определить их точное количество в английской правовой науке не представляется возможным.

Так, Ф.А.Р. Беннион выделяет 15 презюпций, сформулировав их следующим образом: 1) необходимо следовать буквальному смыслу слов закона; 2) необходимо следовать намерению Парламента; 3) закон не следует толковать таким образом, чтобы породить нелепость; 4) закону не будет дано ретроспективное действие; 5) лицо не будет поставлено в опасное положение из-за двусмысленности закона; 6) прецедентное право будет отменено, только если это четко изложено в законе; 7) положение закона не будет толковаться таким образом, что в результате оно окажется недействительным; 8) нет преступления без вины; 9) никто не получит выгоду из совершенного им правонарушения; 10) нельзя ограничить юрисдикцию судов; 11) законы о налогах следует толковать ограниченно; 12) консолидированные законы не изменяют право; 13) закон не распространяется на Корону; 14) закон должен согласовываться с международным правом; 15) закон не действует вне национальной территории [6, с. 157].

Не вдаваясь в рациональность содержательной части, в качестве недостатка выработанных

презумпций, по нашему мнению, следует назвать отсутствие четкой градации по общему и специальному признаку, – так, имеющая универсальную применимость презумпция необходимости следовать буквальному смыслу слов закона включается в один ряд с отраслевой презумпцией о запрете ограничительного толкования закона о налогах. Предполагается, что отраслевые презумпции должны содержаться отдельно, действовать вместе с общими, дополняя их необходимым регулированием. В случае отсутствия необходимого количества таких презумпций для составления конкретной группы какой-либо отрасли права, по мнению автора, имеет смысл составить их также в общем виде, применив формулировку, отвечающую общим требованиям и способную разрешить отраслевое регулирование. Подобная упорядоченность будет содействовать более правильному их осмыслению, что положительно скажется на дальнейшей выработке и систематизации презумпций в соответствии с вариантами развития общественных отношений.

Другие исследователи английского права выделяют меньшее количество презумпций. Так, А.К. Романов называет только 5 презумпций судебного толкования.

Презумпция запрета фундаментальных изменений общего права, которая направлена на «предотвращение внесения неожиданных и нежелательных изменений в фундаментальные принципы и нормы общего права» [7]. Учитывая важную роль Парламента в законотворческом процессе, которая формально может изменить всю систему общего права, судьи выработали положения, согласно которым право не может толковаться таким образом, чтобы это привело к коренному изменению сложившейся практики. Суды обязаны выступать своего рода гарантами стабильности сложившейся правоприменительной практики в Великобритании.

Презумпция против установления уголовной ответственности без вины, на основании которой «суды не должны трактовать тот или иной статут в том смысле, что он устанавливает абсолютную, или строгую, уголовную ответственность, если в тексте закона не содержится прямого указания на это» [7].

Презумпция против лишения собственности или вмешательства в законные субъективные права граждан, суть которой «состоит в том, что законы, которыми предусматривается ограничение субъективных прав, судам надлежит толковать, насколько это возможно, с точки зрения уважения к этим правам» [7]. Следовательно, можно предположить, что любое лишение собственности или ограничение общепри-

знанных прав и свобод человека должно по возможности исключаться. В противном случае такое лишение или вмешательство должно сопровождаться соразмерной компенсацией, однако при условии, что гражданин не совершал противоправное виновное деяние, результатом которого и послужило подобное вмешательство в его права.

Презумпция против сужения юрисдикции суда, которая заключается в том, что «если статут вводит новые процессуальные правила рассмотрения тех или иных категорий дел, то эти правила рассматриваются судами как дополнительные процессуальные возможности» [7]. Смысл данной презумпции состоит в защите судами своей компетенции по разрешению индивидуальных споров.

Так, Парламент имеет полномочия исключить практически любое дело из подсудности суда. Однако новый порядок продолжает действовать параллельно с установленным ранее, при условии, что законодатель прямым образом не исключил такую возможность, и уже судья непосредственно определяет, какой из двух применить. Данное положение частично перекликается с первой презумпцией, направленной на предсказуемое развитие судебной практики, что играет определяющую роль в странах общего права.

Презумпция, в силу которой закон не имеет обязательной силы для монарха, если иное прямо не определено в законе, закрепляющая положение, согласно которому «чтобы иметь обязательную силу в отношении монарха, закон должен быть сформулирован таким образом, чтобы его текст непосредственно указывал на это» [7]. Особенности исторического развития Великобритании оказывают свое непосредственное влияние и на правовую сторону государства. Так, смысл данной презумпции состоит в том, чтобы исключить все косвенные способы регулирования, связанные с членами королевской семьи. Только акт с прямым указанием о распространении своего действия на монарха может выступать средством регулирования определенных правоотношений, в иных случаях применение аналогии или расширительного толкования не допускается.

Презумпция против произвола и злоупотребления властью, состоящая в том, что «суды, толкуя законодательные акты, должны учитывать, что если закон наделяет соответствующие органы властными или юрисдикционными полномочиями, то эти полномочия или юрисдикция должны осуществляться непредвзято и беспристрастно» [7]. Данное положение закрепляет за судами, во-первых, обязанность исходить из необходимости объективного деяния лица, яв-

ляющегося субъектом правоотношений. Всякий субъективный фактор должен быть выявлен и устранен, как элемент личной заинтересованности, который может помешать принятию непредвзятого решения. Как правило, данная презумпция применяется при определении компетенции отдельных лиц или органов государственной власти, направленная на выявление коррупционной составляющей. Во-вторых, судьи обязаны при рассмотрении вопросов принимать во внимание фактор разумной обоснованности действий субъектов права, которые могли повлечь нарушения права, но являлись необходимым условием предотвращения еще большего вреда.

Помимо вышеназванных правил и презумпций, английская наука толкования знает, как представляется, и второстепенные инструменты регулирования. Их применение существенным образом способствует более правильному истолкованию (интерпретации) различных принципов и норм права.

Среди таких дополнительных средств можно назвать *лингвистические максимы* (*linguistic maxims*), которые направлены на более ясное и понятное раскрытие смыслового значения слова, словосочетания или аббревиатуры. Среди них выделяют следующие: *noscitur a sociis* утверждает необходимость рассмотрения каждого слова в контексте его употребления в соотношении с другими разделами нормативного правового акта или другими формами права; *eiusdem generis*, обязывающая при перечислении частных понятий истолковывать их в общем ключе по отношению к общему понятию, и уже основываясь на таком родовом понятии, воспринимать их значение; *expression unius exclusion alterius* закрепляет положение, согласно которому упоминание одного объекта исключает применение других, что означает при наличии списка различных частных понятий, не имеющих общего родового понятия, необходимость применения права только к поименованным объектам [5, с. 39].

В дополнение к перечисленному, английское право знает *законы о толковании* (англ. – *interpretation acts*), которые представляют собой консолидированные акты, содержащие регламентирующую технику толкования права. Она заключается в повышенном уровне требований к единообразию при толковании путем унификации терминологии правотворческого органа.

Подводя итог в вопросе изучения судебного толкования права в английской юриспруденции, стоит подчеркнуть довольно высокую степень систематизированности данного явления, которое плотно вошло в правовую жизнь общества. Являясь, по сути, актами индивидуального пра-

воприменения, судебные решения смогли стать самим правом, занимая пусть не самое высокое место в иерархии форм английского права, однако во многом играя определяющую роль в процессе его формирования. Следовательно, требования к технике толкования должны отвечать высоким требованиям и стандартам, так как именно от их качества будет зависеть правоформирующая роль судебных решений, из которых не каждое и лишь через определенное время, но все-таки имеет предпосылки стать судебным прецедентом.

Многие правоведа также указывают на фундаментальную проработанность института судебного толкования права в Великобритании, в связи с чем стоит подчеркнуть, что главным преимуществом английской техники «является ее институционализация, обязывающая каждого юриста, независимо от его процессуального статуса, политических, гендерных и других предпочтений следовать весьма упорядоченным правилам» [5, с. 40], а это уже в свою очередь «представляет значение как эффективно действующий образец комплекса институтов, позволяющий устранить прямое влияние исполнительной власти на судебные органы» [5, с. 40].

Рассмотрев зарубежный опыт в вопросах толкования права, стоит еще раз подчеркнуть фундаментальность данной тематики: несмотря на разнообразные подходы различных правовых систем, они имеют общую цель, которой служит правильное уяснение смысла принципа или нормы права для себя и разъяснение его для других, что в конечном счете способствует формированию надлежащей практики правоприменения и регулирования сложившихся правоотношений.

Список литературы

1. Larenz K., Canaris C.-W. *Methodenlehre der Rechtswissenschaft*. Aufl. Berlin: Springer, 1995.
2. Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права // *Вестник гражданского права*. 2012. № 4. С. 247–284. СПС «КонсультантПлюс».
3. Cross R. *Statutory Interpretation*. London, 1995.
4. Bennion F. *Statutory Interpretation*. 4-th ed. London, 2002.
5. Тонков Е.Н. Английская техника толкования закона // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2013. № 24.
6. Матинян М.А. Место и роль закона в системе источников права Англии // *Общество: политика, экономика, право*. 2008. № 2.
7. Правовая система Англии: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Дело, 2002. 344 с. (URL: <http://lawdiss.org.ua/books/a2049.doc.html> по сост. на 24.04.2014).

**STATUTORY CONSTRUCTION IN THE ROMANO-GERMANIC AND ANGLO-SAXON LEGAL FAMILIES
(ON THE EXAMPLES OF GERMANY AND GREAT BRITAIN)**

M.G. Dubinin

Drawing on the examples of Germany and Great Britain, the author examines different legal approaches used in foreign countries with civil and common law systems.

Keywords: statutory construction, methods of statutory construction, goals and objectives of statutory construction, construction and interpretation, rules of statutory construction, presumptions of statutory construction.

References

1. Larenz K., Canaris C.-W. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. Aufl. Berlin: Springer, 1995.
2. Shmagin A. Osnovy nemeckoj metodiki tolkovaniya prava // Vestnik grazhdanskogo prava. 2012. № 4. S. 247–284. SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Cross R. Statutory Interpretation. London, 1995.
4. Bennion F. Statutory Interpretation. 4-th ed. London, 2002.
5. Tonkov E.N. Anglijskaya tekhnika tolkovaniya zakona // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013. № 24.
6. Matinyan M.A. Mesto i rol' zakona v sisteme istochnikov prava Anglii // Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo. 2008. № 2.
7. Pravovaya sistema Anglii: Ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. M.: Delo, 2002. 344 s. (URL: <http://lawdiss.org.ua/books/a2049.doc.html> po sost. na 24.04.2014).